

ДИАНА ВА-ШАЛЬ

АНЦЕРЬ

ТЕНЕВЫЕ БЕРЕГА

18+

Диана Ва-Шаль
Анцерб
Серия «Хроники змей
и серпов», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69578572

SelfPub; 2024

Аннотация

Власть тоталитарного государства опирается на верных монархам жнецов. Именно их руками и экзекуциями поддерживается порядок и устраняется инакомыслие. Бывшие жертвы репрессий, Харрисон и Ариса, ведут подпольную борьбу против режима, но вскоре понимают, что и сами переступают черту человечности. Пока Ариса ищет утешения в объятиях незнакомого знакомого, Харрисон готовится перенять правление организацией "Анцерб". Их брат, избравший путь жнеца, стоит перед сложным выбором – быть верным долгу или семье. Где проходит черта между справедливостью и неоправданностью? Можно ли разграничить добро и зло? В миг, когда на золотых черепахах распускаются терракотовые цветы, эти вопросы едины для всех.

Содержание

Пролог	7
1	21
2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Диана Ва-Шаль Анцерб

Карта

Пролог

Он поднял глаза к глубоко-темному небу, усыпанному мириадами звезд. Дрожащее спокойствие столь невесомо, что лишним движением можно спугнуть ускользящее чувство. Алмазные точки в бесконечной высоте напоминали яркие огоньки свечей; каждый вечер их словно зажигала Мать в память о поднявшихся к ней душах. Сотканное из драгоценной пыли небо умиротворенно обнимало дремлющий мир, объятый запахами цветущей весны и надвигающегося лета – еще почти месяц оставался впереди, но смотрящий на россыпь звезд Харрисон Хафнер уже ощущал в легком дуновении ветра пряно-соленый аромат летних ночей.

Звезды бесшумно подмигивали людям внизу; быть может, это ушедшие близкие посылали теплые объятия и старались показать серебряными переливами свое безмолвное присутствие рядом – по крайней мере, Харрисону хотелось бы в то верить, пусть даже где-то глубоко в душе.

Двадцать четыре года прошло с того дня, когда жнецы выломали дверь в их квартире на окраине °17-21-20-30. Харрисон помнил тот вечер поминутно: день рождения сестры – Арисы, – торт с тремя свечками, цветные шарiki и цветы, доставленные от деда с бабушкой, которые опаздывали на праздник. Младший брат, Давид, спал в кроватке; ему самому только неделю назад исполнился годик. Шести-

летний Харри помогал матери на кухне, отец собирал в чемодан одежду, с улыбкой рассказывая о грядущем путешествии. "Представляете, выедем за пределы города, а там – целый мир! Будем выезжать ночью, оно так в дороге проще будет..." Спустя только время Харрисон понял, что улыбался отец наигранно, а "путешествие" было банальной попыткой спастись. Попыткой, увы, заранее обреченной даже не успеть начаться. Ворвавшиеся в квартиру жнецы повязали и вывели старших Хафнеров в двери под истошные мольбы матери, яростное сопротивление отца, надрывный плач Арисы... Маленький Харрисон пытался сделать хотя бы что-то: хватался пальчиками за костюмы жнецов, старался драться; его бесцеремонно оттолкнули вглубь квартиры. Звук бьющегося стекла, рассеченная детская ручка, захлопнутая дверь... Попытка успокоить сестру, разрастающаяся дыра где-то между ребрами и ощущение дикого всеобъемлющего страха. Упершийся взгляд в захлопнутую дверь, остающийся в ушах крик матери и неопишуемая боль. Целый час до приезда деда – бесконечно долгий, – а когда побледневший Оберг Авдий вошел в темную разгромленную квартиру, маленький Харри вдруг все понял: родители не вернуться. Больше никогда...

Внезапный порыв ветра задул угасающее пламя полупустой металлической зажигалки. Харрисон, держа зубами сигарету, раздраженно заворчал. Вновь поднял взгляд к небу, силясь увидеть среди сотен тысяч звезд помощи, ответа, подсказки. Стоила ли борьба риска? Могло ли сопротивление

переменить обстановку? Не закралась ли в разросшиеся за последние полтора года ряды организации предатели?

Двадцать четыре года прошло с вечера, который навсегда предопределил путь Харрисона. А сегодня налакированные туфли оказались поцарапаны в первый же день после покупки. На черных брюках тяжело заметить засохшие пятна крови. Рукава белой рубашки закатаны, обнажая оплетенные выступающими венами предплечья. На левом тяжело разглядеть тонкую полоску давно зажившего шрама.

Мужчина достал мобильный телефон. Уведомления приходили одно за другим, световой индикатор только и успевал мигать, оповещая о новом; зажигалка наконец поддавалась, язык пламени воспламенил сигарету, и, глубоко затянувшись, Харрисон открыл сообщение от Оберга: дед переслал короткое видео, что крутили в вечерних новостях. Репортер вещала об открытии нового завода по переработке пищевых отходов, а внизу бегущая строка сообщала куда более значимую информацию.

"Линейный корабль "Спаркл", переданный Тремя в ведение маркизуса Западных земель Вайса Ольшевского, был подорван в 20:24 вечером первого числа третьего весеннего. Линкор располагался в Кровавом заливе в порту города °18-1-11 и занимал место у бочки №5 в районе Западного морского госпиталя. Взрыв, эквивалентный полутора тоннам тротила, произошел под корпусом "Спаркла" с левого борта. Носовая часть корабля оказалась катастрофически

повреждена. Линкор лег на правый борт и уткнулся мачтами в грунт. Огонь со "Спаркла" перекинулся на близстоящий "Оракул". Второй линкор спасти удалось, "Спаркл" полностью исчез под водой спустя 4 часа 18 минут. Участники диверсии пойманы и переданы жнецам".

Харрисон выдохнул сигаретный дым и, криво усмехнувшись, набрал сообщение в ответ: "Мы скрылись успешно. Одна планируемая потеря. Следы отхода замели, трех жнецов уложили. Закончу с делами, вернусь через неделю-полторы".

Отправлено. Прочитано. Харрисон вынул симкарту и выкинул под дерево, где лежали три бездыханных тела. У машины поодаль сидело два человека – ближайшие друзья и собратья по оружию для Хафнера, – и смотрели на далекие подрагивающие огни °18-1-11. Харрисон же вновь устремил взгляд к небу.

В этот же миг, на те же самые звезды смотрел и Оберг Авдий, стоя у панорамного окна одной главного небоскреба города °3-6-18-1, что стоит на реке Аэстатс. Темный кабинет был освещен редкими желтоватыми светильниками на стенах, неярким светом от экрана телевизора, в котором проплывали изображения сменившего вечерние новости токшоу. Книжный шкаф завешан полотнищем, где на черном фоне расцвели терракотовые орнаменты и цветы; один из двух черепов, расположенных на вертикальной оси в центре хоругви, увенчан игольчатым шлемом и заплетён оран-

жево-перламутровыми листьями, второй – точно грубо обработан, нарочито ужасен с застывшим оскалом заостренных зубов.

В кабинете пахло чистотой, деревом, кожей и благовониями – у небольшого скульптурного изображения Богини Матери в плоской креманке, выполненной из коричневого авантюрина, тлела травяная скрутка. Густой дым скатывался на деревянную столешницу и соскальзывал на пол, растворяясь при падении в воздухе. Можжевельник, полынь, розмарин и еще что-то пряно-свежее, дурманящее... Рядом со статуэткой – золоченная маска, принадлежавшая Обергу. Правда, надевал он ее всего пару раз; но не мог же идейный вдохновитель не сохранять один из главных символов собственной организации.

Авдий, отвернувшись от созерцания ночного города всего на миг, выключил телевизор, нетерпеливо отшвырнул пульт – тот покатился по длинному столу переговоров и замер у края.

– Три года минуло уж, Оберг, а они все еще даже имени вашего не назвали, – на кожаном диване, расположенном в дальнем углу от входной двери, развел руками мужчина лет сорока пяти. – Может, стоит приступать к более агрессивным действиям? Перешептывания жнецов не добавляют вам авторитетности в глазах простых граждан; да и плевать хотели люди на очередной уничтоженный правительственный объект. А уважаемые наши верхи продолжат отмалчиваться,

скрывать наличие диссидентов, насылать на вас своих ищущих; потери в рядах жнецов их не сильно беспокоят. Пока Трое не ощутят, что трон под ними способен пошатнуться – будут разыгрывать спектакль одного актера, где оппозиции не существует. Пока не всколыхнется общество, вы для Трех – не больше чем пыль под ногами. А общество не будет беспокоиться и обращать внимание на первопричину трагедий, пока это не коснется ни отдельных личностей, а сотен, тысяч разом. Кому, как ни тебе, знать об этом?

Оберг, тяжело вздохнув, сел за стол, откинулся на спинку высокого кресла. Бывший госслужащий, работавший в самом центре Старых Рубежей, в белоснежном столичном граде Мукро, в администрации Трех... Служащие верой и правдой монархам до того самого дня, когда жнецы не забрали в казематы его дочь и зятя. Забрали практически ни за что – за неудачную шутку, глупый разговор, произошедший не в том месте не с теми людьми.

– Ты ведь прекрасно знаешь, "Анцерб" никогда не преследовал грандиозных целей. Наша задача – помогать простым людям. Способствовать их передвижению через таможенные барьеры, спасти из лап политсыска, вызволять из казематов. Но, даже несмотря на это, за эти три года мы многого добились. Ольшевский сидит смирно, жнецов на Западе стало значительно меньше; новых не засылают, а старые не рискуют совершать облав. Представители "Анцерба" просочились уже на Восток и в Перешеечную область.

– Не спорю, данное утверждение весьма правдиво. Но вы все еще далеки от Центра, и кроме локального уничтожения представителей политсыска и их вотчин мало продвинулись. Диверсии выверенные, но точечные и недостаточно результативные. Вы пытаетесь сразить великана уколом иголки, – собеседник Оберга пожал плечами. – Помогаете сотням, тысячи все еще захлебываются в крови. К тому же, действия и впрямь можно поактивнее предпринимать, пока внимание Трех устремлено к гражданской войне не юго-западе и оппозиционным выступлениям Хорста на Севере.

– Ты так легко рассуждаешь о таких вещах, Иммануил; неужели думаешь, что все настолько просто? Что уж сам в тени остаешься?

– Род деятельности предполагает, – названный Иммануил отсалютовал Авдию бокалом с ромом. – Или может, ты думаешь, что ваши диверсии сложнее и опаснее, чем контрабанда оружия? Что снабжать тебя или Хорста легко? Иванко хотя бы по-крупному играет, а ты все боишься, – мужчина залпом осушил бокал, оправил воротник накрахмаленной белой рубашки, столь эффектно подчеркивающей смуглость мужской кожи. – Впрочем, вы каждый свою роль отыгрываете, не желая ни сотрудничать полноценно, ни активно людей привлекать. Попрытались, кусаетесь, как мошки, да нашему исполину все нипочем. Вон, Трое свой выводок уже потихоньку начинают к инаугурации готовить, хотя года два-три еще впереди.

– Ох, Грин, я полагал, что тебе выгодно нынешнее положение дел, а ты, оказывается, о благополучии родного отечества беспокоишься, – саркастично проговорил Авдий в ответ.

– Не приписывай мне излишнего благородства. Правда в том, что если твои выступления или противоборство Хорста задушат, то и поставлять мне товары будет некому. Жаль рушить империю, которая строилась таким непосильным трудом.

Оберг промолчал, зная, что обсуждение не приведет ни к чему. Он обернулся к окну, и взгляд его устремился мимо высоток и драматичных шпилей к линии горизонта, к бурлящей реке, что разрезала город на две части.

Там, у заточенной в гранит набережной реки Аэстас, раскинулись тихие жилые кварталы и маленькие уютные заведения. В одном из них – букинистическом магазинчике, сращенным с кофейней, где по окнам тянулись желтые гирлянды-лампочки, – сидела Ариса Хафнер. Она отвела взгляд от экрана телефона и сделала еще несколько небрежных штрихов в альбоме для рисования. Масляный карандаш легко скользил по бумаге, и не было ни малейшей возможности уловить, какие чувства скрываются за этими движениями; в эскизе будущего граффити читалась несокрушимая воля, сокрытая агрессия, настоящий вызов, но эмоции, которые рождали изображение на бумаге, отличались кардинально: волнение, липкий страх, мучительная тревога. Дела прини-

мали совершенно иной оборот; будто мчащийся на всех парах поезд сошел с рельс и летел в пропасть, лишь ускоряясь. Девушка на короткое мгновение даже не узнала альбома в своих руках – десятки листов, изрисованных эскизами и вариантами агитационных материалов, большая часть из которых уже воплощена в жизнь уличными артами, листовками, брошенными в информационное пространство символами... Ариса понимала: даже если сейчас повернуть обратно, свернуть обширно разросшуюся за последние месяцы детальность "Анцерба" – ничего не измениться, инерция потянет дальше. Движения ни остановить, ни затормозить... И непонятно, что ждет в пропасти.

Ариса рассеянно взяла чашку с кофе, но тут же поставила ее на стол. Заправила за ухо прядь густых рыжих локонов – аромат ванильного парфюма смешивался с приторным запахом краски для волос, – и безжалостно смяла неудавшийся эскиз, вымещая на молочном листе бумаги все свои переживания о судьбе брата. Харрисон рисковал, постоянно рисковал – это уже даже нельзя было назвать прогулкой по лезвию, это было вальсирование со Смертью на острие.

Скомканный лист направился прямым в сумку. Все улики должны быть уничтожены подальше от любопытных глаз (даже если таковых рядом не наблюдалось). Ариса планировала: вернуться домой, закинуть черновики в камин, чтобы смазанные рисунки вспыхнули пламенем и обратились в пепел. Нужные варианты агитационки показать деду и, полу-

чив одобрение, направиться перед рассветом к выбранной стене городского парка, где уже утром для глаз прохожих расцветут увитые плющом и цветами терракотовые черепа, лежащие на узнаваемой символике правительства Трех... Все зиждется на почитаемых образах, и именно *их* святость нужно рушить *первым образом*.

Легкий укороченный кардиган непозволительно низко сполз по плечу, на долю секунды приоткрыв кружево персикового белья. Ариса торопливо оправила одежду, оглянувшись; в кофейне только и были, что уставшая дремлющая за стойкой бариста, да сидевший в другом конце крохотного полутемного помещения мужчина лет тридцати. Хафнер задержала на втором посетители взгляд. Он проводил здесь почти каждый вечер (и почти каждый вечер они перекидывались с Арисой одним-двумя безмолвными взглядами, изредка улыбаясь), занимал удаленный столик, сокрытый стеллажами, разросшимися монстерами и папоротниками, и работал за ноутбуком. Дорогая спортивная машина мужчины, стоявшая у старого помещения букинистического магазина, среди скромных домишек и атмосферной, но давно нереставрированной набережной, выглядела инородно, абсолютно чуждо. Сам незнакомец атлетически сложен; одет просто, но со вкусом; добротен, но непримечательно. Разве что функциональные часы бросались в глаза. Пальцы длинные, прямые. Красивые кисти и предплечья. Темноглаз, гладко выбрит, черные волосы уложены назад; очерченная линия под-

бородка – его портрет, нарисованный углем, затерялся среди эскизов Арисы, вновь поймавшей себя на бесцеремонном рассматривании незнакомца. Помимо того, что мужчина объективно был притягателен, существовало еще кое-что, заставляющее девушку раз за разом цепляться за него взглядом: *в его облике не было ничего, что могло бы вызвать ассоциации с тем, кто он есть на самом деле.* И именно это настораживало и наталкивало на определенные мысли.

Ариса обернулась через плечо и пересеклась с внимательным ответным взглядом, но, вместо испуга или желания поскорее отвернуться, она внезапно улыбнулась. В районе солнечного сплетения задрожало и запульсировало, расплзаясь по телу обжигающим теплом. Незнакомец же непроизвольным движением кончика языка облизнул верхнюю губу. *Почти интимно.* Девушка сглотнула. На улице с ревом пронеслись несколько мотоциклистов.

Мужчина разом осушил грубоватый стакан с холодным кофе и, закрыв ноутбук, поднялся, устремляясь к Арисе. В глазах его плясали черти.

В душе же Давида Хафнера отплясывали с совестью сомнения; уже несколько часов как он должен был быть в своей чудесной квартире; той самой, о которой мечтал с самого детства, но... Возвращаться в пустое холодное пространство не хотелось – там с новой силой нагрянут мысли, и проще утопить их в работе до полуночи, оставшись в офисе. Хотя вокруг только и говорили, что о подрыве "Спаркла", а пото-

му укоряющие призраки семьи витали рядом.

Сколько лет он не видел родных? Шесть? Восемь? Да даже если бы Давид и захотел встречи – слишком опасно, приведет за собой хвост... Жнецы не преминут возможности проследить за коллегой; а он слишком хорошо понимал, что собой представляет "Анцерб" и кто его возглавляет. Давид не был глуп, давно уже срастил факты и сопоставил происходящее, с ужасом осознав, что является членом семьи преступной группировки.

Семьи, которой для младшего Хафнера уже не было.

Харрисон отрекся от брата, отказалась от внука бабушка; дед, с разочарованным пониманием отнесшийся к выбору Давида, не мог все же допустить риска общения. Ариса... Ариса любила младшего брата, но простить не могла (или тому виной стало чрезмерное влияние Харрисона?).

Давид сдавленно выдохнул. Цели, до которых дошел, отрады не давали. Быстрое продвижение по карьерной лестнице, дозволение на выбор рабочего направления, покупка жилья в столице с видом на пересечение рек Гаудиум и Волунтас – каков был смысл в достижениях, раз радость об их свершениях не с кем оказалось разделить? Внутренний конфликт не позволял выстраивать комфортную внешнюю коммуникацию; образ разочарованных родных висел тяжелым мечом над головой. Давид не чувствовал себя предателем, но и не мог сказать, что выбрал верную дорогу в жизни.

Безусловно, работая в рядах политической полиции, бу-

дучи представителем сыска Трех, Хафнер-младший понял: не все жнецы отбитые на голову люди, не все жестокие, не все используют керамбиты и сопровождают людей в казематы; *хотя серповидный нож носил каждый – как символ, как знамя... И как собственный ограничитель – напоминание о том, что случится с сонной артерией, если оступишься.* Впрочем, идейных жнецов было большинство, а таких верных идеалам Трех боялись и сторонились даже "коллеги по ремеслу".

Давид сохранил ежедневную сводку о происшествиях в западной части города, проверил рабочие уведомления и наличие донесений о содержании столичной периодической печати. Собрался нехотя и неспешно вышел из офиса на улицу. По правую руку оставались парадные двери – над ними точно горел красный символ Трех, – и центральный фасад крыла, в окнах которого даже ночью не потухал свет. *Отдел дознания.* Мороз прошел по коже Давида, и молодой человек поежился. Внезапно рядом остановилась черная машина – еще один характерный символ жнецов, ярко выделяющий носителей звания среди светлых улиц столицы, – и из окна показался давний знакомый Хафнера-младшего.

– Опять кладешь сон на алтарь работы? Или просто кладешь на сон? – хохотнул белокурый парень из машины. – Подбросить может куда?

– Спасибо, Антон, не нужно. Хотел пройтись перед сном. К тому же, завтра выходной, хоть утром ложись.

– В таком случае я погнался; сестра упрямо ждет на ужин.

Машина умчалась в ночь, оставив Давида в пряных объятиях весеннего сумрака. Десятки тысяч огней Мукро отражались в водной глади рек, вокруг трепетала от легких дуновений ветра свежая листва на деревьях, и над всем этим витал запах распускающихся цветов. Запах тонкий, сладкий, с теплыми оттенками и апельсиново-миндальным шлейфом – в это время года город наполнялся различными ароматами, но благоухания акации были самыми желанными и чарующими...

И пока Давид неспешно направлялся домой, наслаждаясь весенней ночью, в Резиденции Трех шли дискуссии – Правитель, Главнокомандующий и Посол Небесный рассматривали варианты того, как можно поставить точку в истории докучавшего "Анцерба".

Ариса. °3-6-18-1

Солнечные лучи скользнули по подушке, дрогнули пушистые ресницы; Ариса открыла глаза. Мягкий сумрак спальни сохраняли плотные шторы. Пахло маслом пачули и апельсинным ликером. Обнаженной кожей девушка ощущала нежную прохладу ивово-коричневых шелковых простыней. Рядом с Арисой дремал мужчина – еще вчерашним вечером незнакомец, сегодняшним утром он был уже Моро Жан-Паскалем, – грудь его мерно поднималась-опускалась, на плечах виднелись аккуратные следы-полумесяцы от девичьих ногтей. Хафнер несмело дотронулась до его руки, легкими касаниями прошла по коже шеи, провела тыльной стороной ладони по линии скулы. Моро крепко спал.

Ариса тихо поднялась, окидывая взглядом комнату: темные тона, минимализм в деталях, много зеленых растений. И опять ничего примечательного. Ничего, что могло рассказать о хозяине квартиры. Девушка нахмурилась, перебирая пальцами волосы – вчерашний рассказ Моро о себе звучал достаточно убедительно, чтобы отбросить пустые подозрения. Успешный брокер, переехавший из соседнего города и

до сих пор не веривший до конца в дозволение на то спецслужб; с планами столь амбициозными, что бесконечная работа стала стилем жизни; любящий уединение и ставящий во главу угла карьерный рост.

Любящий уединение. Может поэтому Ариса подспудно ощущала родство с ним? Братья и сестра Хафнеры с детских лет отличались молчаливой отстраненностью от людей. Не шибко разговорчивые, скрытные до эмоций, выстраивающие с окружающим такую явную дистанцию, что странным было наличие вообще каких-либо дружеских связей... Зато вдумчивые (если можно было тем оправдать чрезмерной суховатой сдержанности).

Вместе с одеждой по комнате Ариса собирала воспоминания вчерашнего вечера и ночи.

...непринужденный комфортный разговор в кофейне, ненавязчивый обоюдный флирт и невесомые касания. Прогулка по набережной, огни ночного утопающего в зелени города, теплый весенний дождь. Обрывки песен и стихов, которые они декламируют друг другу, томные внимательные взгляды. Но вот – его рука обнимает ее за талию, а вот – губы касаются ее лица. Моро прижимает Арису к себе и целует жадно и требовательно...

Девушка подхватила кардиган с пола; ткань пахла парфюмом Моро и автомобильным ароматизатором.

...они садятся в его машину. Рука Моро ложится на колено Арисы и скользит выше. "Следи за дорогой", – сдавленно

проговаривает она, но Жан-Паскаль звонко смеется, круто выкручивая руль и делая опасный обгон на перекрестке. Искрящиеся глаза его полны желания и страсти; грубоватыми ласками он вырывает из Арисы хриплые стоны, пока точки городских огней сливаются в дрожащие линии скорости. Риск притягателен. Риск, к которому Ариса так привыкла, дает ощущение жизни и в этот момент...

Хафнер выскользнула из комнаты. Сначала ванна, затем небольшая кухня. В деревянной корзинке лежал покрытый белым налетом горький шоколад и конфеты с черносливом; травяной чай в стеклянном прозрачном чайнике манил золотистыми переливами. На кухне бюстгальтера тоже не было; единственный предмет одежды, который Ариса все не могла найти.

...она чувствует его возбуждение и понимает, что и сама не может сдержаться; невольно подается навстречу, желая его прикосновений. Моро целует ее, и девушка отвечает. Неторопливо, страстно, вбирая в себя его запах, вкус, теплоту. Квартира Жан-Паскаля кажется душиной, воздух точно раскален – жарко, нестерпимо жарко, и одежда оказывается лишним элементом. Время стирается, мир замирает; за окном льет дождь, и запах сырости и листвы наполняет квартиру. Моро, раздвигая колени Арисы, прижимает ее к матрацу. Она обхватывает его талию ногами, принимая в себя; движения резковатые, глубокие, но в то же время и нежные – он хочет дать ей почувствовать, как

девушка желанна для него; не торопится, постепенно наращивает темп, заставляя Арису стонать. Она ловит губами воздух, когда Моро ускоряется, на секунду замирает и выходит, чтобы вновь погрузиться в нее до упора...

Поиски вещей – прогулка по ночным воспоминаниям. Ариса спешно оделась (так и не найдя бюстгальтера), завязала густые волосы в небрежный пучок, который закрепила подхваченным на столе карандашом; закинула портфель на плечо, и, обуваясь на ходу, распахнула входную дверь.

– Сбегаешь? – от хриплого сонного голоса Моро Ариса вздрогнула. Девушка зажмурилась, выругалась одними губами; в следующую секунду, надев маску благородного спокойствия, обернулась. Мужчина лениво завязывал вокруг бедер полотенце. – Я вчера осмелился думать, что, как минимум, смогу проснуться раньше и приготовить завтрак; как максимум – обменяться контактами. А тут утренний побег.

– Я и без того проспала. Работа не ждет, – Хафнер даже не лгала. – Так что, прости, оставляю тебя без совместного завтрака.

– А номер телефона? – услышала она вопрос, уже выбегая к лифту.

– Не помню наизусть; и, боюсь, твой тоже не запишу – телефон сел, – последние слова Ариса проговорила уже из закрывающегося лифта, оставив ухмыляющегося Моро в дверях квартиры.

Девушка, тяжело вздохнув, оперлась спиной о стенку. За-

крыла глаза, прислушиваясь к сердцебиению – граффити к утру не появилось; саму Арису, вероятно, уже обыскались... Но последнее не вызывало в ней столько волнений, как невыполненная работа, возложенная обязанностями в "Анцербе".

Минут через двадцать девушка выскочила из такси и бросилась к возвышающемуся над площадью зданию – церкви Слез, – со всех сторон окруженному характерной для Запада вечнозеленой растительностью. Крупные кожистые листья после ночного дождя стали будто еще сочнее; темно-зеленые, точно лакированные с верхней стороны, укутывали они расположенный перед зданием обширный мраморный бассейн, в водной глади которого при определённом ракурсе отражалась вся белоснежная церковь, богато украшенная золотой лепниной. Персиковые рассветные лучи делали ее серо-мятный купол аквамариновым.

Девушка взбежала по ступенькам, вошла в прохладный высокий зал. "Необходимо поскорее взять материалы и приступить к работе над фреской..." Ариса старалась не думать ни о предстоящем разговоре с дедом, ни о том, что сорвала запланированную агитационную роспись. Это не оплошность, не ошибка, а настоящая катастрофа. Теперь нужно вновь искать подходящее время, организовывать охранную группу, изолировать территорию от лишних глаз и проследить, чтобы не заявила полиция или не выследили оставшиеся в городе немногочисленные жнецы (благо, Оберг уже знал всех их поименно, и, благодаря своим соглядатаям, вни-

мательно следил за работой представителей политсыска).

Оставаясь незамеченной другими мастерами, Ариса нырнула в мастерскую и тут же обмерла.

Меланхолично раскуривая длинную сигарету у окна стояла Харитина Авдий. Родная бабушка Арисы, во многом символ для "Анцерба" – как много раз именно Харитина находила нужные слова для подбодрения уставших бойцов, как много раз воодушевляла самого Оберга не опускать рук, как много идей придумала, как много выгодных связей смогла установить... И как критично и бесстрашно спорила с советом организации о ее роли и методах работы.

В серебристую густую косу пожилой женщины был вплетен шелковый терракотовый платок; сама она, одетая в классический серый костюм "с мужского плеча", вполне могла претендовать на журнальные обложки.

Лишь только женщина увидела вошедшую Арису, как тут же всплеснула руками:

– О, Матьер! – и бросилась обнимать внучку. – Где ты была, во имя всех Небожителей?! Мы уж не знали, о чем думать! Ариса...

Объятия Харитины крепкие, искренние; в них – все волнения, пережитые с Обергом за ушедшую ночь.

– Прости, я подвела... Граффити не сделала, сорвала договоренности и...

– Это все такие мелочи! – Харитина выразительно заглянула в глаза девушки. – Самое главное, что ты цела и невре-

дима. Где ты была? Что случилось? – но не успела Ариса даже подумать о том, какой дать ответ, как бабушка тут же спешно продолжила говорить. – О, нет, сначала я сообщу Обергу, что ты в порядке, иначе он всему городу сейчас артерии вскрыет!

– Я в полном порядке, не беспокойтесь! – девушка в волнении сжала ладонь Харитины. – Просто вчера познакомилась с мужчиной, мы разговорились и времени не заметили... – *и ведь не лось; разве что часть правды.*

– Оу! – леди Авдий же многозначительно вскинула брови. – Что ж... Обергу я скажу, что ты осталась ночевать у подруги; меньше вопросов и меньше волнений, у него все-таки нервы уже не те, что прежде. А после звонка мы пойдем с тобой купим кофе и все обсудим...

– Давай оставим на вечер беседы, у меня работа простаивает, нужно покрывать грунт и...

– Кофе, дорогая леди, не терпит отлагательств! Да и я не выдержу до вечера интриги о твоём новом знакомом. Работа подождет.

Харрисон. °18-1-11

Наконец бумаги подписаны и предпоследний этап переговоров завершён – почти финальная точка в официальной причине прибытия Харрисона в столицу Запада, – роль заместителя деда в его процветающем ресторанном бизнесе

Хафнеру даже нравилась. Еще больше нравилось место для ресторана, выбранное Обергом. Заведение бывшего представителя чиновничьего аппарата будет располагаться в самом центре города, напротив администрации и (уже бывшей, в силу сокращения служащих) штаб-квартиры местных жнецов... Прекрасная локация, способная послужить целям "Анцерб".

Харрисон с видимым удовольствием вернулся в номер гостиницы.

Номер безликий и абсолютно чистый – в нем ни намека на истинные задачи мимолётного хозяина; ни единого крючка, за который могло бы зацепиться всевидящее око Трех или их ищек, – а за окном солнце озаряло умытый легким весенним дождем город. Безмятежный. Почти даже дремлющий.

Взрыв "Спаркла" замяли за ночь. Уже утром новостные сводки гласили о том, что линкор планировался к уничтожению, а пойманные диссиденты ни кто иной, как отпущенный пару недель с психиатрической клиники пациенты, которых "на злодеяние и нарушение общественного спокойствия натолкнул рецидив их эмоционального расстройства". Никто не виноват. Ничто не ударило по состоянию правительственного круга. Взрыв – случайность, так удачно разрешившая "планируемую судьбу "Спаркла".

Оперативно и правдоподобно, увы...

Харрисон ослабил галстук, лениво опустился в кресло напротив панорамного окна. Машинально размял кисти, по-

правил массивный перстень на указательном пальце. Мысли мужчины неслись вниз, к оставленному у входа в отель терракотовому маслкару. К тому, что сокрыто в его тайнике – золоченные маски, надеваемые представителями "Анцерб-ба", – к тому, что предстоит дальше. Боевое крыло организации укрыло от ядовитого дождя Трех; но достаточно ли оно прочно, чтобы пережить надвигающийся шторм?

Предыдущие годы, когда деятельность "Анцерб-ба" была сосредоточена в руках Оберга и Харитины, опасность ощущалось не так остро. Чета Авдиев рассудительна, в высшей степени прагматична; одаренные стратеги, умело выстраивающие свои шаги и лавирующие между искусственной преданностью Трем и яростной борьбой против жнецов. И всегда *то*, ради чего организация создавалась, *во имя чего* функционировала, осуществлялось безукоризненно: помощь людям, оказавшимся в пасти правительственной кары. Методичное уничтожение точек базирования жнецов, казематов и камер допросов; перехват захваченных людей и попытки скрыть невиновных, перевезти через внутренние границы, спрятать в укромных местах...

Подрывная деятельность началась позже. Когда Оберг познакомился с Иммануилом Грином, влиятельным бизнесменом (и Преступным князем) Перешеечной области, когда Харитина установила дружественную переписку с Вельдан Хорст (не просто женой Маркизуса Северных земель, но и значимым таможенным бароном); когда самому Харрисону

позволили непосредственно участвовать в жизни "Анцерба" и вербовать людей – и вместе с молодой бурлящей кровью в организацию пришли глобальные идеи.

Основатели ратовали за противостояние, а последователи жаждали борьбы. И когда Оберг представил "Анцербу" Харрисона, как равного себе, организация обрела новое дыхание – и это было дыхание желания мести.

Не одна демонстрация была вдохновлена стараниями тайного собратства. Не одна совершена диверсия. Люди в один миг боялись и восхищались, остерегались непредсказуемых борцов и молились об их здравии. Корили организацию, когда гибли невинные, но восхваляли, когда жнецы раз за разом не могли выследить подобных им теней – люди "Анцерба" растворялись в толпе, терялись среди улиц Земель, их взрастивших.

Терракотовый цвет, и до того любимый на Западе из-за местного фольклора и древних легенд, стал знаменем организации. Поддерживающие движение люди стали использовать оттенки терракоты чаще – незримая поддержка, неозвученное согласие... Трое многое могли запретить, но не в силах были уничтожить цвет. Не могли они и вычленить, кто из использующих его сопричастен к неуютной организации, а кто просто оказался под пустым подозрением.

Правительство не позволяло распространяться волнениям, фальсифицировало факты и скрывало истинное положение дел: за пределом Западных земель преступная группировка

ровка оставалась не более чем слухом; на Западе же слухи обращались в догадки и надежду.

Харрисон дотянулся до стационарного телефона. Взял трубку, ввел код, затем еще один, потом только номер. Бесчувственный голос заученно повторил условия междугороднего звонка. Где-то на фоне раздался почти неразличимый щелчок; заметить его можно только зная, что он есть – начало записи разговора, который затем попадет в бесконечную базу жнецов. Гудки.

Трое сами создали себе *трех* врагов: гражданскую войну на юге, сокрытое диверсионное движение на Западе и авторитетного лидера на Севере. Но, несмотря на всё, нельзя было не признавать силы и ума монархов. Они продолжали крепко держать власть и людскую веру, создавать образ идиллии и благословенного спокойствия. Для большинства граждан не изменилось ничего. Для тех, кто предпочел скрывать лица за золотыми маками, сделанными "Анцербом", началась сложная и серьезная игра. На кону – жизнь, а отступить на игральном поле слишком просто.

– Алло? – девичий голос как бальзам на душу; напряженный Харрисон даже выдохнул мягче, бессознательно меняясь в лице.

– Малышка Ари, доброго дня! Прости, что не позвонил с утра; начали переговоры совсем рано и только освободились. Всё успешно, вроде, нам дали добро на открытие заведения, остаются формальности.

– Ри! – взволнованный голос сестры нежен, – очень рада тебя слышать и узнавать из твоих уст приятные новости! Дизайн утвердили? Когда ты вернешься домой?

– Дизайн – да, но у нас остается запара с документами. Я подписал прошение Ольшевскому, чтобы он поспособствовал ускорению процесса изучения бумаг специалистами; обещают за месяц-полтора все согласовать...

Вместо дежурных фраз хотелось кричать о другом, рассказать о морском порту, о том, как с лица чуть не слетела маска. О перестрелке со жнецами и о том, как выгодно заведение будет расположено для целей "Анцерба". Спросить, все ли спокойно дома, выполнена ли запланированная роспись стены и достаточно ли рассудительно ведет себя Ариса, не подвергает ли жизнь лишнему риску... Но вместо это Харрисон продолжил:

– Дома буду, наверное, дней через шесть. Подпишу свои финальные бумаги и выдвинусь обратно. Благо, внутренние границы никакие не пересекаю, так что обошелся без пачки бумаг и часов на таможенном посту, – в попытке пошутить скользнула усталость и ядовитая насмешка. – Как работа с фресками храма?

– Работаю. Сегодня опоздала немного, правда, но все в порядке...

Это, наверное, стало особенным умением – находить истинный смысл за непримечательными фразами. Ариса рассказывала последние новости, а сердце Харрисона начина-

ло биться спокойнее и ровнее. С сестрой все в порядке. С семьей все в порядке. Еще час прожит в безопасности. И от понимания, что дом цел и невредим, мужчина ощущал себя сильнее. Маленький кораблик, выполнивший опасный маневр среди скалистого морского лабиринта... И на короткий миг все остальное теряло смысл и значение; оно в принципе все теряло смысл и значение – "Анцерб" жил и действовал здесь и сейчас, что происходило за пределами его существования мало волновало. *Но где-то внутри Харрисон знал, что такое отношение напрасно, что оно губительно и влечет беду к хранимому Обергом очагу зачатка западного диссидентства.*

Также губительно, как и "новая кровь", несущая за собой открытую агрессию.

И Харрисон с ужасом понимал, что и сам является этой новой кровью; понимал, что желание мести туманит рассудок и завязывает плотной лентой глаза. *Месть никого не возвратит. Не повернет времени вспять.* Но как забыть тот вечер в родном доме? Как стереть из памяти лица родителей и крик крошки Арисы? Как убить в себе того маленького, слабого и напуганного Харрисона в пустом темном коридоре? Мальчика, который отчаянно хотел все исправить?

–.. и тогда он перенес день сдачи росписи на целую неделю, представляешь? Хотя мы говорили, что даже первоначальные сроки просто сумасшедшие в своей нереалистичности. Наши мастера еще не завершили мозаику на фронтонах,

еще не завершена роспись свода... Они просто не представляют масштаб работы! – в трубке на пару секунд воцарилось дрожащее молчание; где-то вдалеке еле слышны были редкие однотонные моносигналы. *Как писк досаждающего комара. Прихлопнуть бы...* – Ри, ты слушаешь меня?

– Внимательно. Просто устал.

– Мы ждем тебя дома.

– Знаю. Скоро вернусь, – Харрисон потянулся к сигаретам, лежащим у массивной стеклянной пепельницы. – Но раньше меня в любом случае приедет Деметрий. Я передал с ним пачку бумаг для Оберга; проследи, чтобы он сразу к Авдию направился, а не пошел кутить по барам.

– Ты предлагаешь мне сыграть роль няньки? – Ариса недовольно хмыкнула. – Да еще и для Лерэ? Будто не знаешь, что меня воротит только от его вида.

– И это тоже знаю. Я уже сказал ему, что если еще раз попробует к тебе подкатить свои яйца – останется без них, – Харрисон закурил, блаженно прикрывая глаза. – Но он тот человек, кому я могу доверять. В этом году десять лет дружбы будет, юбилей...

– Или срок.

– Ариса! – мужчина не смог сдержать смешка. Сигаретный дым вышел носом и растворился в воздухе номера туманным призраком. – Попрошу заметить, вы все эти годы вполне неплохо общались...

– До того момента, когда он решил, что идеальный для

меня мужчина.

– С этим он ошибся, конечно, – Харрисон усмехнулся. – В любом случае, проследи пожалуйста, чтобы все документы для Оберга оказались у Оберга. А если Деметрий забудет о моем предостережении – напомни ему. Я повторю тебе еще раз, Ариса: я всегда на твоей стороне, – мужчина услышал, как девушку окликнула главный мастер художественных работ. – Всё, я и без того тебя отвлек. Береги себя, малышка Ари; до встречи.

– До встречи, Ри! Целую! – коротко ответила Ариса. В следующую секунду Харрисон услышал быстрые гудки.

Мужчина сделал глубокую затяжку, устремляя взгляд на застекленные высотки города, утопающие в нежных весенних лучах полуденного солнца. Ничего не напоминало о прошедшем дожде.

Янтарь перстня теплился огнем.

"..Западный край всегда был живописен: берега белого песка, омываемые Большой водой, к звездным небесам летели вершины покрытых лесами гор; раскинувшиеся перед взором просторы, усыпанные цветами разнообразной палитры, и вечнозеленые папоротники... Все словно создавало живое полотно, наполненное яркими красками и ароматами. Солнце, погружающееся за горизонт, тонко и нежно раскрашивало небо в разные оттенки – от пастельных розовых и лиловых до ярких оранжевых и глубоких синих. Про-

гулка по этой невообразимо-красивой местности переносила в сказочный мир, где каждый элемент природы был будто тщательно вырезан из самых ярких и зеленых пигментов фантазии. Каждый вздох наполнялся свежим воздухом, пропитанным запахом разнообразных растений и деревьев. Завоораживающие виды и уникальные ландшафты Западного края были неиссякаемым источником вдохновения и силы; в каждом уголке этой земли таилась своя история, свой мир, готовый передать свою неповторимую энергию всем, кто посмел оказаться в его объятиях. Так прекрасен и приветлив был этот край, что стекались сюда люди со всех сторон света, и каждый восхищался и воспевал его неземную красоту...

Возмутились тогда Жители Небесного чертога, услышав, что сравнивают люди свои земли с их божественным домом – спустились Небожители и увидели красотою человеческого мира, сопоставимые с их собственным. "Не должно людям сравнивать себя с богами!" – воскликнули они и решили утопить эту землю, погрузить ее эту под толщу воды. Взглянул Океан на Запад, да не смог накрыть его волнами своими; и тогда Жители Небесного чертога накрыли земли Западные тучами низкими и черными, вспороли их, и полились великие дожди, которым суждено было лить вечность целую, пока весь Запад не погрузится в воду. От прочей земли, ими созданной, отделили Небожители Запад горными массивами неприступными – назвали их домом своим

вторым, Чертоги себе новые воздвигли, и сели на вершины горные, чтобы наблюдать за исчезновением края вечнозеленого.

Съедала вода горы, вершины которых хватали раньшие облака – одни острова оставались, – грызла берега, переполняла озера так, что те в залив обратились. Поднялась тогда со своей вершины милостивая Богиня Мать, вплетающая всегда цветы Запада в волосы свои золотые; Мать, что слезы свои во времена прежние в звездные дорожки над головами людей соткала. Сняла она с плеч терракотовую шаль и укутала Запад от воды, льющейся с небес.

С тех пор стала Мать главной покровительницей Запада, и жгут люди скрутки цветов и трав ее любимых, чтобы окутывал край аромат благословенный, и на сердце Матери тепло становилось от любви людской. Бывшие облака на краю земли обратились туманной завесой островов, что отныне были названы Теневыми берегами. Стал с тех пор терракотовый цвет символом Западных земель.."

Мужчина закрывает книгу, оборачивается к темноволосому мальчугану, лежащему на кровати, и нежно треплет по голове. Мальчик потирает сонные глаза, льнет щекой к отцовской руке; ощущает кожей холод золотого перстня. С улицы, сквозь окно детской комнаты, проникает яркий свет желтого фонаря, создавая уютную атмосферу. В этом свете, камень кольца словно вспыхивает изнутри, излучая приятное тепло.

Первое детское воспоминание. Маленький Харрисон еще не знает, что зимний вечер останется в его памяти яркой вспышкой и огнем янтаря, падающим крупными хлопьями снегом и теплом отцовской ладони.

– А теперь время спать, Харри, – отец мягко улыбается, целуя мальчика в макушку.

Близилась ночь.

Харрисон стоял, опершись предплечьями о художественный кованый парапет набережной, и смотрел на утопающее в водах Кровавого залива заходящее солнце. Яркими оттенками теплых цветов раскрасился горизонт. Пушистые облака замерли причудливыми силуэтами в темнеющем небе, а среди них проглядывала тонкая косточка месяца. Легкая прохлада скользила под ткань рубашки, под длинный черный плащ. Кожаные наплечники делали Хафнера похожим на вестника Сумрачной – древнего божества смерти, сестры Хозяйки Ледяных болот, в которых верили многие сотни лет назад в Северных землях. Память об этих образах сохранилась разве что в сказках тех мест... Харрисон почти любовно вспомнил подаренный Арисой томик Сказаний.

К Хафнеру подошла девушка, одетая в черное пальто. Темные волосы ее были убраны в тугий хвост, небольшая брошь с терракотовым цветком оставалась практически незаметной для быстрого взгляда.

– Нам сообщили, что на территории Штиля вчера шли

ожесточенные бои. Войска Трех оттеснили наших названных союзников на старую линию обороны, – тихий голос девушки не мог даже ветер подхватить, чтобы донести до ненужных ушей. – На горном перешейке Ниргоза сегодня в полдень наша группа подожгла девять релейных шкафов светодорожек на железнодорожном перегоне. Прямо по пути следования переправки грузов в зону боевых действий, – небольшая пауза. – Потребуется время для восстановления. Это шанс Штилю для контратаки и нам для подготовки запланированного действия на Востоке.

– Нам еще рано, – проговорил Харрисон безэмоционально. – Как сработала группа?

Собеседница ответила не сразу.

– Двое убиты при сопротивлении в момент задержания. Третий самоустранился. Еще двое не раскрылись.

– Надеюсь, Штиль не растеряется и начнет действовать. Потери не должны быть напрасными...

– Насколько мне известно, Трое перенаправили "Горгону" с южного берега к перешейку.

Хафнер не сдержал дрожащего выдоха – близость этого формирования специального назначения к людям "Анцерб" не сулила ничего хорошего, – и нервно побарабанил пальцами по парапету.

– Пусть пока наши сидят спокойно и ничего не предпринимают, мне необходимо посоветоваться с Обергом; все дальнейшие действия после дополнительного сообщения.

Девушка коротко кивнула.

Ариса. °3-6-18-1

– Ариса!

Хафнер, державшая в руках многочисленные ватманы, обернулась.

Вечернее солнце скользило золотистыми змейками по извилистым очертаниям сочной листвы, озаряло умытый легким дождем город. На парковке по другую сторону площади выделялась спортивная машина, которую Хафнер узнала сразу, как только вышла из храма; Ариса постаралась поскорее скрыться в парке, но владелец спорткара, выскользнув из соседнего магазинчика, успел заметить девушку и окликнуть, приближаясь быстрым шагом.

– Добрый вечер, – Хафнер сдержано поздоровалась, умело скрывая, как сердце в груди сделало кульбит и рухнуло в низ живота. Целый день Ариса старалась не вспоминать Моро и даже вполне удачно укротила нерациональные эмоции, которые раз за разом возникали следом за случайной мыслью, где фигурировал Жан Паскаль; но стоило мужчине лишь появиться перед ней, как тут же разум покорно отступил на задний план. – Что ты здесь делаешь?..

– Ты сама вчера рассказывала о своей работе, – Моро перенял у Арисы ватманы, на долю секунды оказываясь от нее в паре сантиметров. Легкий порыв ветра. Девушка отчетливо

ощутила аромат мужского парфюма и кожи и вздрогнула. – А у нас, насколько мне известно, есть только одна церковь Слез. Я примерно прикинул, во сколько ты можешь освободиться; взял ноутбук с собой, немного поработал на террасе вот того ресторанчика, – Моро кивнул в сторону. – Повара, скажем прямо, там отвратные, но что делает бармен!..

– Я не про это, – осторожно прервала мужчину Ариса, незаметно поправляя волосы, убранные в небрежный пучок на голове, закрепленный кистями. – *Зачем* ты здесь?

Моро, внимательно смотря Арисе в глаза, с пару секунд помолчал.

– Мне хотелось тебя увидеть, – тихий серьезный ответ. Затем Жан Паскаль улыбнулся, пожимая плечами, – к тому же, я задолжал тебе завтрак; позволь хотя бы угощу ужином. Я знаю прекрасное заведение с умопомрачительной панорамой на реку, тебе должно понравиться. Если, конечно, – он на мгновение замолчал, – тебе будет хотеться, чтобы я украл еще один твой вечер.

Девушка посмотрела на наручные часы.

– Не боишься, что пытаешься украсть меня у кого-то?

Моро залился звонким смехом; высоко поднял голову к небу, так, что скрытая воротом рубашки массивная цепь натянулась на его горле.

– Твое желание, и я заберу тебя у самой Богини Матери, – почти проворковал мужчина, вновь взглянув в лицо Арисы.

Недолгое размышление; имени Моро в базе жнецов дове-

ренный Оберга не нашел, роспись стены вновь назначена на предрассветное время, Харрисон в отъезде, а у четы Авдиев заключительный вечерний прием Иммануила Грина.

– Мне будет нужно освободиться в девять, – проговорила Ариса как можно тверже.

– Хорошо. После ужина я отвезу тебя, куда скажешь.

Медленно вечерело. Плетеные кресла террасы уютны, мягкий плед на плечах защищал от прохладных легких дуновений ветра с реки. Панорама новой застройки города отражалась в спокойных водах, а закатное солнце расписывало стекло высоток в нежные оттенки розового. Все это, вместе с неспешными разговорами, создавало атмосферу умиротворения.

Моро был галантен и обходителен, искусно вел беседу и умел слушать – он не смотрел на собеседника, а словно заглядывал ему в душу, стараясь понять то, что хотелось скрыть, – подкупал начитанностью и широтой кругозора. Впервые за очень долгое время Ариса действительно погрузилась в общение, забывая о происходящих вокруг неурядицах, тревожащих сердце вопросах. Мир вокруг словно мерк, все его испытания и злободневные события испарялись в теплых объятиях весеннего вечера, в темных, почти черных глазах мужчины...

Когда Ариса становилась частью "Анцерба", то понимала, насколько изменится ее общение с людьми: придется быть избирательной и осторожной, следить за словами и действи-

ями. Девушка рассталась со своим молодым человеком, первой своей любовью, так как знала – сохранность тайны организации превыше всего, а (почти что) жених, что не может быть в нее посвящен, все равно заметит перемены в избраннице, ее отсутствие вечерами и ночами, ее осведомленность и сопереживание судьбе антиправительственного движения. А потом... Среди "Анцерб" не нашлось покорителя сердца Арисы (ухаживания Деметрия ей особенно опротивели), среди "непосвященных" девушка не могла найти той эмоциональной отдачи, что так ей была нужна. Работа, работа, работа – и никому не доставало сил вырвать Хафнер из порочного круга.

Да и не хотела Ариса быть из него *вырванной*.

Моро же обладал странной внутренней привлекательностью, бешеная энергия от него ощущалась даже издалека. Ариса, сама засиживаясь в букинистической кофейне за работой над эскизами, часто наблюдала за мужчиной, начавшем появляться там с пару месяцев назад. Он упирал сосредоточенный взгляд в монитор, зачастую пил пустой черный кофе и всегда оставлял щедрые чаевые полусонным бариста (вне зависимости от качества обслуживания).

Но а пока был вид на реку и высоты, был разговор за бокалом белого сухого; и порой этими минутами Ариса ловила себя на мысли, что представляет теоретическое знакомство Жан-Паскаля с Харрисоном. Как бы отреагировал брат? Как бы оценил нового знакомого сестры? Ощутил бы то же на-

пряженное недоверие, что в первые минуты испытывала к Моро Ариса?

А следом за этими вопросами следовали и другие: какого мировоззрения придерживается Моро? Истинно верный ли он подданный Трех, или в сердце его клубятся сомнения и страхи перед скрежетом серповидных керамбитов по стеклам укромного убежища-дома? Может он живет и наслаждается жизнью, не испытывая тревог о завтрашнем дне? Как относится к "терракотовой идеологии", что "ядом расплзается по западу"? Насколько он честен? Насколько свят? Насколько хорошо умеет хранить секреты и какие из тайн можно исповедать его душе? Стоил ли он того?

Впрочем, весь этот сонм вопросов неукоснительно следовал за Арисой, когда она начинала любое общение с любым человеком "извне". Привычка, рефлекс или истощное чувство самосохранения – все в один миг играло основополагающую роль. Но... С Моро было непривычно легко, и Хафнер позволила себе на время, пусть даже не продолжительное, сыграть роль непринужденной девушки, занимающейся искусством и берущей от жизни всё. Казалось ли ей, будто бы она обманывает кого-то? Пожалуй, что нет – главное оставаться честной с собой, и Ариса честно себе признавалась, что компания Жан-Паскаля ей мила, а его ухаживания приятны...

А когда, спустя время, машина бесшумно остановилась на полупустой парковке, и за темной кроной деревьев про-

глядывали очертания загородного дома, на часах давно перевалило за полночь. Безветренная тёплая ночь обволакивала мягкими сумерками дремлющий мир.

Ариса, до сих пор не понимающая, как семь часов пролетели за пару минут, на мгновение задержалась в машине – *что-то внутри умоляло задержаться*, – смотря на дорожки света фар.

– Спасибо за вечер, – мягко проговорил Моро, не убирая руки с руля и не спуская глаз с высящегося впереди поместья. Он словно избегал пересечься взглядом с сидящей рядом девушкой, точно одно неверное движение могло многое переменить в его твердом (почти) намерении ее не задерживать.

– Взаимно.

Ответ Арисы последовал не сразу. Ее взгляд невольно скользнул по мужчине, по его жилистым рукам, по шее, по грубой цепи... Арисе бы потянуться к ручке двери, уйти; но внутреннее нежелание покинуть машину вынуждало неспешно застегивать сумку.

– Тебе точно уже пора уходить?

– Да.

– Я смогу увидеть тебя завтра?

– О сегодняшней встрече ты не спрашивал.

Моро, весь вечер не предпринимавший попыток излишне приблизиться, дотронулся до лица Арисы и увлёк её в поцелуй.

– В таком случае я украду ещё немного твоего времени, – проговорил мужчина горячим шёпотом в губы Хафнер; девушка обняла его за шею, чувствуя, как разгорается под ребрами и расплзается по телу пьянительное чувство слабости. Думать не хотелось. Анализировать не хотелось. Было лишь желание раствориться в близости, забыться в крепких объятиях. Почувствовать себя живой и свободной – не обременённой оковами "Анцерб", способной на глупости и необдуманные решения.

Рука Моро соскользнула с руля под девичий кардиган. Холодные пальцы коснулись горячей кожи талии – лёгкий стон Арисы, движение навстречу, – и поднялись к груди.

– К слову, у тебя очаровательное бельё, – Моро улыбнулся, прикусывая кожу на шее Арисы, – которое ты у меня оставила утром... Если бы ты знала, как тяжело мне было весь вечер, зная, чтобы ты без него...

– Много фантазировал?

– До тумана в голове...

Жан-Паскаль потянул Арису на себя, усаживая на свои колени. Теснота машины вынуждала быть еще ближе; еще раскаленнее делался воздух, пропитанный резковатым парфюмом и нежным ароматом распустившейся акации... Издали, с оживленной трассы, доносился шум проезжающих машин; откуда-то со стороны набережной долетали отзвуки играющей музыкальной группы. В спорткаре же горячие поцелуи сопровождали касания рук, но...

Хафнер, уперев ладони в грудь Моро, отстранилась, почти с насмешкой глядя в его затуманенные желанием глаза.

– Доброй ночи, Моро, – девушка оправила кардиган и потянулась за сумкой, – давай встретимся, когда в твоих мыслях хотя бы немного прояснится туман.

И, прежде чем мужчина успел среагировать, выскользнула из машины, тряхнув копной густых вьющихся волос.

Жизнь в Государстве научила одной простой истине: сладкая иллюзия не перестает быть иллюзией.

Давид. Мукро

Ночь еще держала в крепких объятиях город. Серые предрассветные сумерки закрадывались в квартиру-студию неслышными шагами, несли за собой дуновения свежего ветра и аромат соленой воды, которой славилась река Гаудиум.

Свет выключен. Единственный источник голубоватого свечения – работающий стеклянный чайник. Кровать расправлена. Белоснежное постельное белье небрежно помято. Из раскрытых дверей шкафа виднелись идеально выглаженные костюмы. Из распахнутого окна лоджии лилась нежная птичья трель – дрожащее спокойствие и почти сюрреалистичное умиротворение. В высотке напротив не горели огни; даже дома поодаль еще спали; но за кромкой воды Гаудиума начинали поблескивать оранжевые всполохи близящегося солнца. Редкие машины проносились с мерным жужжанием по мосту с белоснежными арками (как удачно как-то выразился коллега – напоминающими рыбий скелет).

Давид, залив кофе крутым кипятком, не торопясь вышел на лоджию. Поставил литровую чашку на белый мини-

малистичный столик, оперся предплечьями о подоконник, устремляя взгляд на дремлющую реку.

Мукро. Столица была величественно красива. Белоснежный город, увитый зеленью, так напоминал изобилующий растительностью родной край... То не была тоска по дому, то была тоска по теплым и трогательным воспоминаниям, с ним связывающим.

Но стометровой матче-флагштока почти бездвижно висело знамя Трех.

Давид тяжело вздохнул. Бросил взгляд через плечо в комнату – на книжной полке стояли две фотографии: Оберг с Харитиной, и ухмыляющийся Харрисон, обнимающий смеющихся Давида и Арису. Так давно это было... Словно уже и не с ним.

В душе Давида нескончаемо боролись две сущности: беспристрастный жнец, требующий рассказать о том, кто является ядром, вдохновителями и главными командующими Анцерба, и маленький Хафнер, стремящейся начать *свою* жизнь с чистого листа, а оступившуюся семью уберечь.

Но раньше Анцерб лишь защищался. Теперь он начал нападать.

Ариса. °3-6-18-1

Серый предрассветный сумрак городского парка окутывал влажностью и птичьими переговорами. На красной кир-

пичной стене здания, помнящего еще Серпенсариевский переворот, что возвел Трех к власти, среди плюща и клематиса расцвели терракотовые цветы и золотые черепа. Еще пара минут и вырвавшиеся из плена ночи солнечные лучи зажгут граффити, воспламенится образ, вберет в себя свет и отдаст грядущим зрителям стократно...

Ариса сидела в слепой зоне на скамейке поодаль, внимательно изучая из-за деревьев финальный результат. Давно уже были распущены анцербовские наблюдатели, восстановлена видеорегистрация улицы, ушли на отдых бойцы, напоследок мелькнувшие плащами во мраке подворотней. Художник наблюдал за своим творением с благодатной публикой – рождающимся новым днем.

Девушка не питала иллюзий касательно жизни своего де-тища: пара часов? До обеда? В лучшем случае до вечера, и нагрянут коммунальщики. Закрасят все без остатка, чтобы даже намек не осталось. Раньше коммунальщиков примчит полиция. Оцепит квартал, чтобы зеваки не проходили мимо. Если кто-то успеет по излишней смелости или чрезмерной глупости поделиться фотографией творения в социальных сетях – сразу подчистят "нежелательные публикации" жнецы. Может "Анцерб" и выбил этих серпоносцев из города, но не избавил ни его, ни людей от их перманентной слезки.

Мысленно Ариса подсчитала, сколько уже граффити было покрашено в одном только °3-6-18-1. А сколько изображений других художников? И тех, кто работал с "Анцербом"?

И тех, кто работал вне организации? Девушка усмехнулась; то, что Оберг возвращивал и ласково называл "тайным обществом", "рукопожатной организацией", Трое нарекло преступной группировкой. Да и в той части общества, куда просочилось знание об "Анцерб", отношение к нему было двояким... Харрисон в это верить не хотел. На это не сильно обращал внимание Авдий. Но об этом постоянно твердила Харитина, взывая вкладывать больше сил в формирование положительного образа "Анцерб", раз уж организация решила выходить из тени и переходить с пути защитника, на путь борца... "Анцерб" разрастался. Контролировать его становилось все сложнее. Приходили новые люди и приносили совершенно иные идеи, и пока не было ясно, к чему это может привести.

– Прекрасная работа, – рядом с Арисой остановился Иммануил Грин. – Не жаль вам вот так раз за разом видеть, как творения ваших рук обращаются в пустоту?

– Не жаль, – пожала плечами девушка, – произведения искусства иногда умирают, но идея живет вечно.

Хафнер, не отводящая взгляда от граффити, не заметила мимолетного взгляда Преступного князя. Взгляда внимательного и заинтересованного. Девушка самозабвенно следила за первыми лучами, коснувшимися кромки крыши – движение их неумолимо достигнет золота черепов.

– Не жаль... Но достаточно больно, – искренне добавила Ариса, оборачиваясь к Иммануилу. – Хотя я прекрасно

понимаю: даже не будь эти росписи стен идейно вдохновлены "Анцербом", не являйся они лейтмотивом сопротивления, все равно не выжили бы в городских лабиринтах. Коммунальщики все закрасят, если это не будет рисунком (пусть и самым паршивым), связанным с пропагандой Трех.

– Оберг показывал зал в офисе Высотки, заполненный вашими полотнами, – внезапно переменял тему Грин, почувствовавший легкую дрожь в голосе собеседницы. Деликатно, но твердо он увел за собой не только мысли Арисы, но и её саму; взял Хафнер под руку и направился к выходу из парка. – Я вновь хотел бы высказать свои восхищения. Более того, осмелюсь попросить написать несколько картин мне на заказ, – в глазах Иммануила загорелся лукавый огонек. – Моя резиденция в °13-16-8-28 нуждается в должном оформлении. Я хочу изобразить собственный манифест; представьте, Ариса, длинная галерея коридора, высокие окна с видом на город, а меж оконными рамами на бархатистой темно-оливковой стене связанные единым сюжетом картины...

Давид. Мукро

В 10:42 по местному времени на всех мониторах в офисе жнецов были выведены красные оповещения; того же уровня сигналы разбежались по экранам технологичных часов и телефонных устройств главных блюстителей порядка Трех.

"10:39. Западное подножие горного массива "Чертоги".

Город °12-16-15. Подорван офис (два заряда), подорван верхний этаж казематов (один снаряд). Погибших: 14 жнецов, 9 гражданских лиц, 2 представителя службы таможни. Суммарно ранен 81 человек".

Развернутый отчет пришел через тринадцать минут, но к тому времени Давид уже успел разузнать все необходимые сведения и из информационных баз, и из слов коллег, и из ставших громкими разговоров: три машины сыска, захваченные членами преступной группировки "Анцерб" в 4:51 этого же дня, были перехвачены и возвращены жнецами на места прежней дислокации – одна в казематы, две на парковку офиса, – но спустя считанные минуты транспорт сдетонировал. Взрывные устройства, так умело сделанные и мастерски запрятанные, обнаружены не были и оказались дистанционно активизированы.

До подготовленного назначения барона той местности оставалось *три* дня – "акция" спланирована и проведена в лучших традициях символизма.

К вечеру в центральном офисе Мукро было особенно оживленно – жнецы бурно обсуждали слухи из Резиденции. Трое и без утреннего инцидента вторые сутки не покидали своей администрации, где велись бурные дискуссии и переговоры, а за последние девять часов с личным докладом монархам в столице побывали трое из четырех маркизусов земель (Иванко Хорст, конечно же, прибыть не смог – сослался на сложную обстановку в купольном медицинском город-

ке, самом северном в Государстве) и одиннадцать из девятнадцати таможенных баронов. Каждый из многих градоначальников должен был до полуночи связаться с Тремя по обговоренным каналам связи. Всем жнецам был отдан приказ продолжать работу и мониторить ситуацию. Подразделение борьбы с государственными угрозами, жнецы-оперативники из отдела дознания с ужасом ждали прихода Главкомандующего – а он должен был явиться, – и последствий. "Анцерб" уже не просто заигрался, он потерял всякий страх... А жнецы вновь показывали свою неподготовленность – члены преступной организации не только уже который год оставались в тени неопределенными лицами, они активизировали свою деятельность наглыми выходкам; Трое не думали в тот момент о жертвах – числа текучи и переменчивы, а при правильной работе эфимерны, – но авторитет власти находился в опасной близости от тонкого льда.

Давид наблюдал за происходящим из тени. Пытался работать, но в голове шумело низким гулом, и все дела валились из рук: во-первых, еще не до конца убитые званием жнеца эмоции и чувства были полны волнений о родных – Хафнер интуитивно понимал, что безрассудные диверсии "Анцерба" схожи с обратным отсчетом, где каждый новый курбет ускоряет неумолимый таймер возмездия Трех. Во-вторых (но не менее значимо), Давид ощущал и скрежет серповидных коготков по собственной шее у артерий. Что будет с ним, когда имя идеологов "Анцерба" вскроется? Что будет с ним,

когда обнаружится, что он является членом преступной семьи, хоть и покинувшим ее много лет назад? Заставят свидетельствовать против близких? Направят заочно вместе с ними под трибунал? В казематы дознавателей?

Холодок пробежал под кожей – от горла к копчику, – и невыносимая тяжесть перехватила дыхательные пути.

Напряжение в офисе нарастало. За панорамными окнами гудела оживленная белоснежная столица, погруженная в густеющие розовые сумерки. В безоблачном небе стало можно различить первые поблескивающие точки звезд. Давид стоял в курилке, держа в зубах незажженную сигарету уже минут восемь, и смотрел притуплено на улицу, где только-только загорелись теплым желтым светом фонари. Умиротворенная идиллия полупустой улицы казалось нарочито искусственной, безветренная тишина за стеклом контрастировала с шумом офиса болезненно остро.

"В °3-6-18-1 закрасили провокационное граффити, что появилось с утра. – На территории Холодного Штиля возобновились боевые действия в пустынных землях Дука. – Четыре сообщения о нарушении таможенных границ в районе Старых Рубежей. – По Мукро одно нарушение; Антон, проверь публикацию, я переправил тебе уведомление. – Дознаватели прислали отчет о работе казематов за последний месяц; обработать, разослать по инстанциям. – Задержали одного предполагаемого члена "Анцерб" при пересечении границы Чертогов. Пока изучается. – Восточные коллеги

прислали отчет за сегодня: две несогласованные демонстрации, тринадцать мелких правонарушений. Брайан, посмотришь? – Таможенники запрашивают подтверждение на выдачу пропускных документов по округу".

Бесконечные переговоры смешивались в неприятный зудящий гул, а Давид все продолжал потерянно стоять, безотрывно смотря в окно. На этаже ниже располагался один из отделов оперативников – тех жнецов, которые первыми приходили на ум при упоминании правительственного сыска. *Отдел дознания*. Безжалостные. Беспристрастные. Те, кто должны были похоронить сопротивление "Анцерб" в самом его зачатке. Те, кто должны были утопить в агонии среди темных влажных стен казематных камер осмелившихся выступить против Трех и установленного в Государстве порядка.

Давид все стоял и стоял, созерцая погружающийся в ночь беспечный мир, но внезапно покой улицы оказался потревожен – черный массивный автомобиль вынырнул из-за поворота и, сделав крутой винт, припарковался у главного входа в офис, нарушая все возможные правила движения.

Модель автомобиля нельзя было спутать ни с одной другой. Сердце Давида глухо ухнуло, кончики пальцев похолодели и онемели. Из машины почти выпрыгнул водитель, спешивший отворить дверь Главнокомандующему, но Райан взбешенно распахнул дверь сам. Один из Трех скорым волевым шагом направился к дверям офиса жнецов... И вид у

Райана был истинно устрашающим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.